

САНА АСКЕРОВА

Иногда
клетка выглядит
как дом.
Иногда тирания —
как забота.

ВЕРА ДОЛЖНА
ДАВАТЬ СВОБОДУ,
А НЕ СТРАХ.

ИМЕНЕМ ТВОИМ

КОГДА ИСЧЕЗАЮТ ЗАВЕСЫ,
ОСТАЁШЬСЯ ТОЛЬКО ТЫ —
ПЕРЕД ИСТИНОЙ.
И ПЕРЕД СОБОЙ.

Сана Аскерова

Именем Твоим

<https://litres.ru/74129592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если муж говорит, что ты теряешь рассудок, это еще не значит, что ты сошла с ума.

Ася выстрадала свое право на покой. Позади — предательство отца, вина за чужую смерть и балансирование на грани жизни и смерти. Пройдя через долгие поиски истины, она обрела долгожданное спасение в исламе. Брак с Фаридом казался спасением.

Но в стенах его уединенного дома реальность Аси начинает медленно рассыпаться.

Сначала дом оживает шорохами на чердаке. Потом пустые комнаты заполняет удушливый чужой парфюм, а вещи перемещаются сами по себе. Муж ласково уверяет, что это оживают старые травмы. Врач выносит смертельный вердикт. Но за маской заботы Фариды проступает нечто зловещее, а галлюцинации Аси все больше похожи на чье-то присутствие.

Случайная находка под матрасом меняет всё. Асе придется вспомнить, кем она была до этого брака, и выяснить, какую цену заплатила девушка, жившая здесь до нее. Девушка, о которой весь город предпочитает молчать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Когда начинается твоя история?	6
Глава 2. Письма, которых никто не прочтёт	10
Глава 3. Первый друг	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сана Аскерова Именем Твоим

Пролог

Эта книга рождена не из желания судить, но из стремления исцелить.

Ислам — это религия мира, милости и глубочайшего уважения к человеческому достоинству. В его основе лежат безупречная справедливость и мягкость. Пророк (мир ему и благословение Аллаха) говорил о бережном отношении к женщине, и вся его жизнь была этому подтверждением.

Однако реальность такова, что домашнее насилие, ментальное уничтожение и духовный абюз не имеют национальности, расы или вероисповедания. Это болезнь общества. Но когда тирания и садизм надевают на себя одежды праведности, прикрываясь священными текстами ради тотального контроля над чужой душой, они становятся опасны вдвойне, потому что от такого труднее защититься.

Для любого соблюдающего мусульманина очевидно: извращение религиозных истин в корыстных целях, подавление личности и психологическое насилие не имеют к исламу никакого отношения. Ни одна религия и ни одна норма морали не оправдывают жестокость. Преступление человека

с деформированной психикой и раздутым эго — это исключительно его личный грех, его личный выбор и его болезнь. Оно не может и не должно бросать тень на чистоту религии.

История Аси Астаховой — это не рассказ о том, как религия ломает человека. Это история о девушке, которая пришла к вере искренне, но столкнулась с человеком, умевшим превращать её доверие к Богу в ловушку. Я знаю, как это бывает, когда яд подают под видом лекарства и как долго потом не можешь понять, где кончается забота и начинается стирание личности.

Через эту книгу я хочу сказать, наверное, главное: жертвой психологического насилия и газлайтинга может стать каждый — даже самая умная, сильная и упрямая личность. Дело не в слабости. И главная цель этой книги — показать, что из этого тупика есть выход. Не нужно молчать и терпеть, будто это и есть смирение — смирение перед чужой жестокостью им не является.

Через этот текст я хочу донести до каждого, кто оказался в темноте: можно пройти через ад, вернуть свой голос, отстоять себя и, вопреки всему, не потерять, а укрепить самую главную, чистую и искреннюю связь. Связь со своим Создателем, Который видит каждую скрытую слезу и всегда дает облегчение тем, кто искренне уповает на Него и действует.

Если эта книга поможет хотя бы одной душе распознать манипуляцию, сохранить свой рассудок и найти путь к свободе, значит, она была написана не зря.

Глава 1. Когда начинается твоя история?

Возможно, жизнь не начинается с рождения. Не с первого вдоха, не с крика в родильном зале и даже не с неуверенных шагов по натёртому до блеска паркету в маминой квартире. Кажется, жизнь начинается с боли. С той, что въедается, как чернильное пятно в белую ткань скатерти. С той, которую не отмыть ни временем, ни расстоянием.

История Аси началась в тот момент, когда она впервые ощутила: её перестали ждать.

Каждое лето она приезжала к отцу. Он жил далеко – на юге, в городе, где воздух пах морем и кожей, раскалённым асфальтом и цветущими акациями. Она росла в пригороде, в серых кварталах, где жара стояла тяжёлая и вязкая, как олово, но не пахла морем.

Отец позволял есть мороженое на завтрак и устраивал пикники прямо посреди рабочего дня. Учил её прыгать через волны, искать съедобные грибы, различать птиц по головам. От него пахло мятной жвачкой, загаром, кожаным ремнём и свободой. Они любили лежать на траве в парке у дома, глядя в небо.

– Смотри, это похоже на пельмень? – указывал он на плывущее облако.

– Это же дракон, пап! – смеялась она, пряча лицо в его рубашку.

Он щёлкал её по носу:

– Просто у тебя воображение лучше, вот ты меня и побеждаешь каждый раз.

Ася верила: так будет всегда. Лето, воздух, наполненный чайками, и он – рядом. Но в один год всё изменилось. Тогда она ехала к нему особенно радостная: долго выбирала подарок, написала открытку от руки. Но на вокзале отец встретил её с натянутой улыбкой. В машине молчал, отвечал на вопросы коротко, будто экономил слова.

– Всё нормально. Работа. – Он не смотрел на неё. – Ты подросла. Уже почти взрослая.

Он больше не читал ей сказки на ночь. Говорил, что устал. В его квартире поселилась новая женщина и её вещи были везде: на кухне, в ванной – повсюду. Ася не знала, куда деться от чужих запахов, от бутылочек, банок, чужого присутствия, которое отвоёвывало каждый сантиметр пространства.

Однажды она проснулась от приглушённой ссоры.

– Она не должна быть здесь всё лето, – говорила женщина с раздражением. – Это твоя дочь, но я не обязана чувствовать себя гостьей в собственном доме.

Отец промолчал. Только вышел на балкон и закурил.

Ася стояла в дверях, в пижаме, с босыми ногами. К ней пришло понимание, что вернуться в прежнее лето уже невоз-

можно. Воздух больше не пах мятной жвачкой. Только дымом и закрытой дверью.

Он стал уезжать рано и возвращаться поздно. Они почти не разговаривали. Он больше не показывал ей облака, не вспоминал, как звучат птицы. Его голос стал чужим, будто его заменили.

А потом он просто исчез. Сказал, что уезжает «по делам», и не вернулся до конца её отпуска.

Она сидела одна на кухне, раскачиваясь на стуле, глядя на нетронутый завтрак. Хлеб, варенье из инжира, которое раньше они ели вместе. Но теперь – всё стало другим. Даже тишина. Она больше не чувствовала себя дочерью. Только помехой.

С того года лето перестало быть для Аси любимым временем года. Оно больше не пахло свободой, теперь оно ассоциировалось только с предательством.

Дома она замкнулась в себе. Мама замечала её состояние, тревожилась, но с расспросами не лезла. Тогда Ася начала писать. Находила старые тетради, клочки бумаги и выплескивала всё туда: про волны, которые больше не казались ласковыми, про ставший горьким чай с лимоном, про отцовскую руку, которую она больше не чувствовала в своей.

Она писала ему письма. Отправлять не собиралась — просто пыталась не сойти с ума. На бумагу ложились обида, ярость, мольбы о прощении и долгие паузы. В этих строчках была вся она.

Спустя годы на вопрос: «С чего началась твоя история?», Ася уже не отвечала: «С детства».

— С потери, — говорила она. — С понимания, что можно остаться сиротой при живых родителях. И это, пожалуй, самое горькое одиночество.

Глава 2. Письма, которых никто не прочтёт

Сначала это был просто блокнот в клетку – серый, помятый, с надорванным уголком. Ася нашла его в глубине письменного стола, когда пыталась спрятаться от мира, переполненного чужими голосами. Вокруг постоянно кто-то разговаривал, спорил, давал советы или сочувствовал тоном, от которого хотелось зажать уши. Она открыла чистую страницу, взяла огрызок карандаша и начала писать — быстро, почти не задумываясь, будто рука двигалась сама.

«Где ты был тогда, когда я ждала тебя на кухне? У меня стояло два стакана чая. Почему ты не пришёл? Почему ничего не объяснил?»

Она не знала, зачем это делает. Не ради ответа, которого быть не могло, и не ради прощения. Просто эту глухую, ноющую боль внутри нужно было как-то зафиксировать, вытащить наружу, словно глубоко засевшую занозу.

Писем становилось всё больше. Они прятались под подушкой, застревали между страниц школьных учебников, записывались на обороте магазинных чеков и старых автобусных билетов. Сначала Ася обращалась к отцу. Потом — к самой себе. А затем — к Богу. Ей было десять, потом одиннадцать, двенадцать. В таком возрасте не знают слова «пси-

хотерапия», но Ася быстро поняла: пока карандаш движется по бумаге, ей хотя бы немного легче дышать.

По ночам она забиралась под одеяло с головой, отгораживаясь от холодного, пугающего пространства комнаты, и шепотом рассказывала в темноту, как прошёл день. Она не знала молитв и религиозных правил, поэтому говорила просто так, мысленно, замирая от собственной смелости. Но внутри рождалось странное, ни на чём не основанное ощущение: её слышат.

Она делилась с Ним всем: тем, как девчонки в классе шушукались за спиной из-за её старой кофты с распутившейся петлёй; как дрожали колени, когда вызывали к доске; как до боли в ушах хотелось услышать телефонный звонок от того, кто больше не звонил. В этих ночных монологах было больше тепла, чем в любых утешениях взрослых. По крайней мере, Бог никогда не перебивал, не переводил тему и не выглядел уставшим от её жалоб.

Постепенно эти разговоры переросли рамки обычных обид. В блокноте стали появляться вопросы, которые Асе просто некому было задать. Что такое душа? Почему люди лгут, даже когда любят? Зачем вообще нужно страдание, если оно никого не делает лучше?

Школьные учителя на такие вопросы лишь недоуменно пожимали плечами, а бабушка вздыхала: «Живи как все, не выдумывай». Но жить «как все» уже не получалось. За привычным кругом из уроков, домашних обязанностей и требо-

вания быть «хорошей, удобной девочкой» Асе виделось что-то гораздо более глубокое. Какая-то иная, скрытая от глаз плотность жизни.

Ей часто снился один и тот же сон: она стоит посреди огромного моста, внизу шумит невидимая река, а над головой — бесконечное звездное небо. И чей-то тихий, но отчетливый голос произносит: «Ты найдешь». Она не понимала, что именно должна найти, но это предчувствие заставляло её двигаться дальше, искать настоящие смыслы, цепляться за внутренний свет как за единственную истину, которая не способна обмануть.

Тогда, запершись в своей комнате, она просто писала и верила. Верила, что детские слова, нацарапанные неровным почерком, не тонут в пустоте.

Спустя годы, она иногда перебирает те пожелтевшие листки. Вчитывается в размашистые строчки: *«Господи, сделай так, чтобы я перестала чувствовать себя лишней»*.

И к горлу подступает ком. Не от жалости к себе, а от какого-то тихого уважения к той маленькой, испуганной девочке. Как же много сил было в её хрупком одиночестве, если она смогла удержать этот груз и не сломаться.

История её веры началась не в храмах и не с мудрых книг. Она началась на полу тесной спальни, где ребенок писал письма Богу, потому что больше доверять в этом мире было некому.

Глава 3. Первый друг

Ася помнила тот день до мельчайших подробностей. Мамина причёска была растрёпанной, будто та не спала всю ночь, а в глазах застыла глухая тревога. Она сжимала ладонь дочери крепче обычного, пока они шли по бесконечному коридору новой школы. Маленькие каблучки Асиных туфель звонко цокали по кафелю, и каждый этот стук отзывался противной дрожью в животе. Ей было восемь, но ноги казались ватными, словно за дверью класса её ждал не обычный урок, а чужая, враждебная планета.

– Не бойся, – мамин голос прозвучал тихо, над самым ухом. – Ты справишься. Я знаю.

Ася только крепче стиснула её пальцы. Ей казалось, что если она заговорит, то всё испортит. Дверь открылась. Учительница — высокая женщина в строгом синем костюме с абсолютно непроницаемым лицом — молча указала Асе на свободное место у окна. Ни улыбки, ни приветствия.

Пришлось идти через весь класс под прицелом десятков чужих глаз. Опустившись на стул, Ася аккуратно сложила руки перед собой, стараясь стать как можно незаметнее.

Кабинет выглядел слишком правильным и стерильным. На партах — ни царапины, в воздухе не пахло привычными булочками из столовой, только дорогими ластиками и свежей краской. Даже огромные окна, казалось, смотрели на неё

свысока.

На перемене Ася набралась смелости и подошла к двум девочкам у доски. У одной из них были идеальные шелковые волосы, перехваченные блестящими заколками.

– Привет, – выдавила Ася, разглядывая свои туфли с поцарапанными носками. – Я Ася, новенькая.

Девочка с заколками медленно повернула голову, окинула её взглядом с ног до головы и демонстративно отвернулась к подруге, понизив голос до громкого шёпота:

– Пойдём отсюда. Не люблю очкариков.

Раздался тихий смешок. Асю будто обдало ледяной водой. Спина мгновенно стала влажной. Главное — не разреветься прямо здесь, при всех. Только не это.

Она выскочила в коридор, пробежала мимо раздевалок и спряталась во дворе под старой акацией. Села на корточки, уткнувшись лбом в колени. Воздух вокруг был душным, пах горьковатой свежей корой. Ася дышала глубоко и медленно, пытаясь прийти в себя и доказать самой себе, что она не исчезла.

– Ты чего тут сидишь? – раздался совсем рядом спокойный мальчишеский голос.

Ася вздрогнула и подняла голову. Перед ней стоял мальчишка в помятой зелёной рубашке. Из его рюкзака торчал потрёпанный блокнот с покемонами, а чёлка лезла в глаза. Он тоже присел на корточки, с любопытством разглядывая её.

– Ничего, – шмыгнула носом Ася, торопливо вытирая щеку. – Просто они со мной не разговаривают.

Мальчик на секунду задумался, а потом просто протянул ей ладонь:

– Ну и ладно. Давай со мной дружить. Пересаживайся ко мне за парту, у меня как раз соседа нет. И фломастеры есть двухсторонние. А еще я знаю, где за углом продаются самые вкусные пончики.

Ася посмотрела на его протянутую ладонь, потом в открытые глаза и впервые за весь день слабо улыбнулась.

– Правда? Мы будем друзьями?

– Да. Навсегда, – уверенно кивнул он. – Я Максим, кстати.

Идём, а то звонок скоро.

С этого дня школа не стала идеальной. Дразнить Асю не перестали, да и одиночество не испарилось по щелчку пальцев. Но теперь в этих серых коридорах появился человек, который замечал её присутствие и делился фломастерами. И этого было вполне достаточно, чтобы не бояться каждого нового утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.